

Ссылка для цитирования этой статьи:

Ниматулаева Р.А., Магомедсаидов А.Б. Субъекты противодействия коррупции в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ и направления институционального развития // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 11. С. 28. URL: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_11/Nimatulaeva.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-11a-32.

УДК 340.5

СУБЪЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И НАПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ниматулаева Равзанат Абдулзагировна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и муниципального права,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Магомедсаидов Ахмед Багаудтинович

магистрант
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация;
независимый исследователь

Аннотация. В статье предпринята попытка сравнительно-правового осмысления субъектного состава противодействия коррупции в Российской Федерации и в зарубежных правовых порядках с акцентом на институциональную архитектуру, распределение компетенций и механизмы координации. Исследование исходит из того, что эффективность антикоррупционной политики определяется не только набором материально-правовых запретов и санкций, но прежде всего тем, какие субъекты уполномочены реализовывать профилактику, выявление, пресечение и контроль, а также тем, как юридически оформлены их полномочия, ответственность и взаимодействие. В исследовании выявляются доктринальные подходы к классификации субъектов антикоррупционной политики, уточняются критерии их разграничения. Показано, что российская модель характеризуется многоуровневостью и сочетанием стратегического руководства с функциональным распределением задач между контролирующими, надзорными и правоохранительными структурами, при этом ключевой проблемой остаётся фрагментация компетенций и

зависимость эффективности от административной координации. Зарубежный опыт демонстрирует конкурирующие институциональные решения – от специализированных независимых антикоррупционных бюро до распределённых систем с сильной ролью финансового контроля и этической инфраструктуры публичной службы. Предлагаются направления развития российского субъектного состава: нормативное усиление координации и ответственности за результат, интеграция контроля в риск-ориентированные контуры (особенно в сфере закупок и управления публичными ресурсами), институционализация участия негосударственных субъектов при сохранении гарантий прав и законных интересов.

Ключевые слова: противодействие коррупции, субъекты антикоррупционной политики, координация, контроль и надзор, государственные закупки, сравнительно-правовой анализ, зарубежный опыт, институциональная автономия.

Введение

Традиционная постановка вопроса о противодействии коррупции в юридической литературе длительное время концентрировалась на дефинициях, составах коррупционных правонарушений и соотношении уголовно-правовых и административно-правовых средств. Однако современная практика правоприменения наглядно демонстрирует: даже при относительной стабильности нормативных запретов результаты антикоррупционной политики во многом зависят от того, *кто именно* (какие органы, должностные лица, институты и общественные акторы) наделён компетенцией действовать, *в каком режиме* (профилактика, контроль, пресечение, расследование, наказание) и *на каких условиях взаимодействия*.

Именно поэтому субъектный состав противодействия коррупции целесообразно рассматривать как самостоятельный предмет научного анализа, включающий: (а) систему публичных субъектов (федеральных, региональных, муниципальных); (б) «квазипубличных» участников (государственные корпорации, фонды, организации с публичным ресурсом); (в) негосударственных акторов, вовлечённых в профилактику и общественный контроль.

В отечественной доктрине обращает на себя внимание стремление уйти от узкого понимания субъектов как исключительно правоохранительных органов. Так, в рамках концепции субъектов антикоррупционной политики предлагается выделять не только специализированных, но и неспециализированных субъектов, содействующих реализации антикоррупционной политики, включая общественные организации и юридические лица [1]. Аналогично подчеркивается значимость «иных государственных органов» и организаций публичного сектора в обеспечении процесса противодействия коррупции [2]. Тем самым

предмет исследования смещается от перечня органов к анализу институциональных связей и правовых режимов.

Исследование и результаты

Проблема определения субъектов противодействия коррупции заключается в том, что коррупция проявляется в разных сферах публичного управления и экономической деятельности, а значит, «субъектность» не может быть выведена только из принадлежности к правоохранительной системе. Более продуктивно рассматривать субъект противодействия коррупции как носителя юридически закреплённой компетенции (или обязанности) совершать действия, направленные на профилактику коррупционных рисков, выявление и пресечение правонарушений, восстановление нарушенных публичных интересов и предупреждение повторяемости коррупционных практик.

В доктрине в связи с этим усиливается подход к противодействию коррупции как к комплексному правовому режиму, где ключевым становится не единичное полномочие, а совокупность юридических средств, процедур и гарантий, обеспечивающих устойчивое функционирование системы [11]. Такой взгляд позволяет объяснить, почему одинаковые по содержанию запреты дают различный эффект в зависимости от институциональной конфигурации субъектов: режим «работает» лишь тогда, когда полномочия, ответственность, независимость и взаимодействие субъектов выстроены непротиворечиво.

Для сравнительно-правового анализа целесообразно выделить несколько критериев, позволяющих сопоставлять национальные модели:

(1) Уровень публичной власти и территориальная компетенция. Федеральные, региональные и муниципальные субъекты действуют в разных ресурсных и политико-административных условиях; отсюда проблема неоднородности практик и стандартов.

(2) Функциональная специализация. В литературе устойчиво выделяются группы субъектов по функциям: стратегическое руководство и координация; контроль и надзор; расследование и пресечение; профилактика (этика, конфликт интересов, антикоррупционное образование); общественный контроль [1].

(3) Степень институциональной автономии. Зарубежные модели демонстрируют значимость организационной и функциональной независимости специализированных органов, особенно там, где коррупционные риски затрагивают высшие уровни управления [10].

(4) Преобладающая направленность полномочий. Можно различать «превентивные» и «репрессивные» центры тяжести модели, хотя на практике наиболее устойчивы смешанные системы.

(5) Степень включённости негосударственных акторов. Наличие правовых механизмов вовлечения бизнеса, СМИ, научного сообщества и общественных организаций становится самостоятельным фактором эффективности (в том числе через комплаенс и общественный мониторинг) [1].

Российская модель формально сочетает стратегическое руководство и многоуровневую реализацию мер, что предполагает наличие субъектов, задающих приоритеты, обеспечивающих межведомственную координацию и контроль исполнения.

В научной литературе обращается внимание на административно-правовой контур противодействия коррупции на федеральном уровне, где рассматриваются полномочия Президента РФ, Администрации Президента РФ, Правительства РФ и отдельных федеральных органов исполнительной власти [3]. Для сравнительного анализа важно подчеркнуть: данная конфигурация создаёт условия для централизованной постановки задач, но одновременно порождает риск «растворения» ответственности за итоговый результат в многообразии ведомственных полномочий.

Юридически значимым становится вопрос о том, как именно оформлены координационные полномочия: являются ли они преимущественно организационными (подготовка планов, методические рекомендации, отчётность) либо включают инструментальные механизмы воздействия на ведомства. В российской модели координация нередко опирается на административные процедуры, тогда как сравнительная перспектива показывает эффективность координации, подкреплённой обязательными стандартами комплаенса и унифицированными требованиями к управлению конфликтом интересов [8].

Для современной антикоррупционной политики финансовый контроль приобретает системообразующую роль, поскольку коррупция часто материализуется в искажениях бюджетных процедур, закупок, субсидий, управления государственным имуществом. В отечественных исследованиях подчёркивается значение Счетной палаты Российской Федерации как субъекта системы противодействия коррупции [4]. Это важно и в сравнительном плане: во многих правовых системах именно аудит и финансовое расследование формируют первичный массив сигналов о коррупционных рисках, который далее передаётся в правоохранительные органы.

Правовая проблема заключается в том, что контрольные органы зачастую не обладают «замкнутым циклом» реагирования: они выявляют нарушения и формируют представления,

но итог зависит от иных субъектов (надзорных и следственных). Поэтому эффективность контроля определяется качеством правовых каналов передачи материалов, стандартами доказательственной пригодности и процедурной согласованностью. Здесь возникает вопрос не о расширении полномочий контроля до «силовых», а о создании юридически выверенных интерфейсов взаимодействия, исключающих ведомственную конкуренцию и утрату информации на стыках компетенций.

Надзорный аспект в российской модели традиционно связывается с ролью прокуратуры. В литературе указывается, что органы прокуратуры осуществляют координационную деятельность в области противодействия коррупции, обеспечивая взаимосвязь работы различных органов [5]. Для сравнительного анализа эта позиция принципиальна: прокурорская координация — вариант институционального «центра тяжести», который отличается от модели независимого антикоррупционного бюро тем, что встроен в систему публичной власти и опирается на надзорные полномочия.

Субъекты расследования и пресечения коррупционных преступлений нередко воспринимаются как «основные» в общественном дискурсе, однако их роль в системе должна оцениваться вместе с профилактическими и контрольными субъектами. Научные работы, посвящённые основным субъектам противодействия преступлениям коррупционной направленности, фиксируют значимость межведомственной связки и координации [5]. Системный вывод здесь состоит в следующем: правоохранительный блок обеспечивает неизбежность ответственности, но не способен заменить профилактику и финансовый контроль, поскольку значительная часть коррупционных практик носит латентный и институционально адаптивный характер.

Сравнительно-правовой опыт показывает, что устойчивость правоприменения возрастает там, где «силовой» компонент встроен в единый цикл работы с рисками: от выявления аномалий в данных и процедурах до расследования и последующего изменения правил, порождающих коррупциогенные стимулы [7]. В российской модели такой цикл часто разорван: выявление рисков происходит фрагментарно, а корректировка процедур не всегда обязательна и контролируема.

Особое место в российской системе занимает сфера государственных закупок и государственного контракта как концентратор коррупционных рисков. В исследованиях о субъектах противодействия коррупции в системе государственного контракта подчёркивается необходимость учитывать правовой статус и место субъектов в правовой системе, поскольку именно множественность участников контрактного процесса формирует сложную сеть рисков [6].

С теоретической точки зрения контрактная система демонстрирует важный тезис: субъект противодействия коррупции — это не обязательно орган, «борющийся» с коррупцией в общем виде; это может быть участник процесса, который юридически обязан выстраивать процедуры добросовестности, прозрачности и предотвращения конфликта интересов. Следовательно, в закупках субъектность приобретает «распределённый» характер: заказчик, контрольные подразделения, комиссии, участники закупок, органы контроля и надзора образуют функциональную сеть. Если эта сеть юридически не согласована, возникает эффект взаимного перекалывания ответственности, а коррупционные практики маскируются под формальное соблюдение процедур.

Отсюда вытекает практико-ориентированный вывод: для контрактной системы наиболее перспективен риск-ориентированный подход к субъектности, когда полномочия и обязанности субъектов привязаны к типовым коррупционным сценариям (сговор, дробление закупок, заточка ТЗ, конфликт интересов при приемке, завышение цены через аффилированность). Это позволяет уйти от избыточной формализации контроля и сосредоточиться на юридически значимых индикаторах риска.

Отдельного внимания заслуживает категория субъектов, обеспечивающих процесс противодействия коррупции, включая организации, которые формально не относятся к классическим органам власти, но вовлечены в оборот публичных ресурсов. В литературе специально отмечается, что в противодействии коррупции значимы и иные государственные органы и организации публичного сектора (включая государственные корпорации и фонды) [2]. Сравнительно-правовой смысл этого наблюдения заключается в том, что современные коррупционные практики часто смещаются туда, где публичный ресурс управляется через корпоративные формы и смешанные режимы регулирования.

Проблема здесь преимущественно административно-правовая: корпоративная автономия усложняет унификацию антикоррупционных стандартов, а отраслевые особенности порождают «разные скорости» внедрения комплаенса. Следовательно, развитие субъектного состава должно включать не только расширение перечня участников, но и юридическое закрепление минимальных стандартов антикоррупционного управления для организаций публичного сектора.

Сравнительно-правовой анализ требует отказаться от упрощённой логики «переноса лучших практик». Зарубежный опыт полезен прежде всего как демонстрация альтернативных институциональных конструкций, каждая из которых решает задачу легитимности и эффективности по-своему.

Обобщающие исследования зарубежного законодательства и правоприменительной практики показывают, что выбор субъектов и механизмов их взаимодействия зависит от политико-правовых традиций и уровня институционального доверия [7]. При этом устойчиво воспроизводится общая закономерность: чем выше коррупционные риски в высших эшелонах, тем больше значение приобретает институциональная автономия антикоррупционных субъектов.

Одним из наиболее обсуждаемых вариантов является модель специализированного органа, обладающего значительной автономией и комплексной компетенцией. В научных публикациях, рассматривающих зарубежный опыт борьбы со взяточничеством на примере отдельных юрисдикций, анализируются меры противодействия коррупции и институциональные решения, направленные на повышение эффективности [10]. При этом принципиально, что автономия не сводится к «самостоятельности»; она обеспечивается юридическими гарантиями подотчётности и процедурной прозрачности, иначе орган рискует стать политическим инструментом.

Сравнительный вывод: специализированный орган наиболее эффективен там, где он встроен в правовую систему с ясными пределами компетенции и механизмами внешнего контроля (парламентский контроль, судебные гарантии, аудит), а также имеет возможность сочетать расследование с профилактикой (анализ причин, рекомендации по изменению процедур). Если же специализированный орган действует в режиме «силового монополиста», возрастает риск институционального конфликта и конкурентности с другими правоохранительными структурами.

Альтернативой является распределённая модель, характерная для ряда европейских правопорядков, где антикоррупционная субъектность «распылена» между органами финансового контроля, дисциплинарными комиссиями, этическими структурами публичной службы и правоохранительными органами. В исследованиях, сопоставляющих опыт стран Европейского союза и Российской Федерации, акцентируется комплексность механизмов и потенциал сочетания различных инструментов [8]. Сильная сторона этой модели — институциональная устойчивость: система не зависит от одного органа и менее уязвима к политическим колебаниям.

Однако распределённая модель предъявляет повышенные требования к юридической согласованности процедур и к культуре взаимодействия субъектов. При слабой координации она может вырождаться в формальный контроль и ведомственную разобщённость.

Сопоставление антикоррупционного законодательства России и Китая показывает, что институциональные решения неотделимы от модели публичной власти и от механизмов

политической ответственности [9]. В сравнительной перспективе это означает: эффективность субъектного состава не сводится к количеству органов или строгости санкций; критично то, как субъекты встроены в систему принятия решений, кадровой политики и дисциплинарного контроля.

Для российской дискуссии это важно по двум причинам. Во-первых, попытки точечного заимствования (например, усиление отдельных полномочий) без изменения интерфейсов взаимодействия редко дают устойчивый результат. Во-вторых, вопрос институциональной автономии антикоррупционных субъектов должен решаться вместе с вопросом их правовой подотчетности, иначе автономия превращается либо в фикцию, либо в источник конфликтов.

Сравнительный анализ показывает, что автономия антикоррупционных субъектов является функционально значимой прежде всего в ситуациях, когда коррупционные риски связаны с распределением крупных публичных ресурсов и кадровыми решениями. Однако автономия должна быть юридически «сбалансирована» подотчётностью.

Российская модель в большей степени опирается на административную координацию и надзорно-контрольные механизмы в рамках системы публичной власти¹. Зарубежные модели демонстрируют более широкий спектр: от специализированных автономных органов до распределённой сети субъектов с мощными аудит- и этико-инструментами [8].

Следовательно, вопрос о развитии субъектного состава в РФ следует формулировать не как дилемму «создать независимое бюро или нет», а как задачу: какие элементы автономии (процедурной, кадровой, функциональной) необходимы тем или иным субъектам для выполнения их роли, и какими правовыми механизмами подотчётности эта автономия компенсируется.

Во многих системах координация антикоррупционной деятельности закрепляется не только организационно, но и через обязательные стандарты: единые правила конфликта интересов, декларационные процедуры, требования к проверкам и комплаенсу. Российская практика также включает планирование и координационные механизмы, но научная дискуссия указывает на потребность институционального укрепления управленческих решений субъектов противодействия коррупции [3].

¹ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskie-resheniya-subektov-administrativno-pravovogo-protivodeystviya-korrupsii-na-federalnom-urovne>.

Сравнительно-правовой вывод состоит в следующем: координация становится эффективной тогда, когда она порождает юридически значимые последствия для ведомств и организаций публичного сектора (обязательность внедрения процедур, персональная ответственность руководителей, внешняя проверяемость исполнения), а не ограничивается отчётностью и декларативными программами. В противном случае координация превращается в «документооборотную» деятельность, не меняющую практику управления рисками.

Наиболее уязвимым местом большинства моделей является разрыв между выявлением и пресечением. В российской системе этот разрыв частично компенсируется ролью прокуратуры в координации [5] и деятельностью финансового контроля [4]. Однако устойчивый результат возможен при юридическом оформлении «единого цикла реагирования», где:

1. контроль формирует проверяемый массив фактов и рисков;
2. надзор обеспечивает обязательность реагирования и устраняет ведомственные барьеры;
3. правоохранительные органы получают материалы, пригодные для процессуального использования;
4. по итогам расследования принимаются меры по изменению процедур, породивших риск.

Именно этот цикл отличает режим противодействия коррупции как систему от набора разрозненных субъектов [11].

Сфера закупок — это тест на способность субъектов действовать согласованно. Научный анализ субъектов противодействия коррупции в системе государственного контракта демонстрирует, что сама конструкция контрактной системы порождает множественность субъектов и требует ясного распределения ответственности [6]. В сравнительной перспективе закупки — зона, где профилактика часто оказывается эффективнее репрессии, поскольку корректно выстроенные процедуры минимизируют возможности для коррупционного поведения без необходимости постоянного силового вмешательства.

Заключение

Субъекты противодействия коррупции образуют не перечень органов, а институциональную систему, эффективность которой определяется юридической согласованностью компетенций, устойчивостью координации и наличием единого цикла

реагирования от выявления риска до изменения процедур. Российская модель характеризуется многоуровневостью и сочетанием стратегического руководства с распределением функций между контролем, надзором и правоохранительным блоком. Её сильная сторона — возможность централизованной постановки задач; слабая – фрагментация компетенций и зависимость результата от административной координации.

Зарубежный опыт демонстрирует вариативность решений: от специализированных автономных антикоррупционных органов до распределённых моделей с сильной ролью финансового контроля и этической инфраструктуры. В сравнительно-правовом плане это означает, что развитие российского субъектного состава должно идти по пути институционального дизайна: усиление юридически обязательных стандартов координации, интеграция контроля и надзора в единый цикл реагирования, риск-ориентированная настройка обязанностей в сферах повышенной коррупциогенности (в первую очередь закупки), а также правовая институционализация участия негосударственных акторов. Такие меры позволяют укрепить противодействие коррупции как правовой режим, а не как сумму ведомственных инициатив.

Список литературы

1. Лелетова М.В. Субъекты антикоррупционной политики [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-antikorrupsionnoy-politiki> (дата обращения: 28.12.2025).
2. Бородина О.А. Субъекты обеспечения процесса противодействия коррупции в России [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-obespecheniya-protivodeystviya-korrupsii-v-rossii> (дата обращения: 28.12.2025).
3. Поляков М.М. Управленческие решения субъектов административно-правового противодействия коррупции на федеральном уровне [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskie-resheniya-subektov-administrativno-pravovogo-protivodeystviya-korrupsii-na-federalnom-urovne> (дата обращения: 28.12.2025).
4. Старостенко В.К. Счетная палата Российской Федерации как субъект системы противодействия коррупции [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/schetnaya-palata-rossiyskoy-federatsii-kak-subekt-sistemy-protivodeystviya-korrupsii> (дата обращения: 28.12.2025).
5. Ахмедханова С.Т. Основные субъекты противодействия преступлениям коррупционной направленности [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2022. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-subekty-protivodeystviya-prestupleniyam-korrupsionnoy-napravlenosti> (дата обращения: 28.12.2025).

6. Гунба А.А. Субъекты противодействия коррупции в системе государственного контракта [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-protivodeystviya-korrupsii-v-sisteme-gosudarstvennogo-kontrakta> (дата обращения: 28.12.2025).

7. Канунникова Н.Г. Противодействие коррупции: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства и правоприменительной практики [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korrupsii-sravnitelno-pravovoy-analiz-zarubezhnogo-zakonodatelstva-i-pravoprimeritelnoy-praktiki> (дата обращения: 28.12.2025).

8. Суфьянова Е.З. Сравнительный правовой анализ опыта противодействия коррупции стран Европейского союза и Российской Федерации [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-pravovoy-analiz-opyta-protivodeystviya-korrupsii-stran-evropeyskogo-soyuza-i-rossiyskoy-federatsii-1> (дата обращения: 28.12.2025).

9. Севальнев В.В. Законодательство в сфере противодействия коррупции: Россия и Китай. Сравнительно-правовой аспект [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-v-sfere-protivodeystviya-korrupsii-rossiya-i-kitay-sravnitelno-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 28.12.2025).

10. Игембаев К.А. Зарубежный опыт в сфере борьбы со взяточничеством на примере Гонконга, Сингапура, Южной Кореи [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-v-sfere-borby-so-vzyatochnichestvom-na-primere-gonkong-a-singapura-yuzhnoy-korei> (дата обращения: 28.12.2025).

11. Михалева И.А. Противодействие коррупции как правовой режим: сравнительно-правовой анализ доктрины [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korrupsii-kak-pravovoy-rezhim-sravnitelno-pravovoy-analiz-doktriny> (дата обращения: 28.12.2025).

12. Цветков А.В. Направления сравнительно-правового исследования противодействия коррупции в Российской Федерации и Республике Беларусь: основы [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sravnitelno-pravovogo-issledovaniya-protivodeystviya-korrupsii-v-rossiyskoy-federatsii-i-respublike-belarus-osnovy> (дата обращения: 28.12.2025).

13. Купцова А.А. Зарубежный опыт противодействия коррупции [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-protivodeystviya-korruptsii-3> (дата обращения: 28.12.2025).
14. Живодрова Н.А. Зарубежный опыт противодействия коррупции [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-protivodeystviya-korruptsii-6> (дата обращения: 28.12.2025).
15. Бычкова С.В. Зарубежный опыт противодействия коррупции в системе государственной службы и возможности его использования в России [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-protivodeystviya-korruptsii-v-sisteme-gosudarstvennoy-sluzhby-i-vozmozhnosti-ego-ispolzovaniya-v-rossii> (дата обращения: 28.12.2025).

SUBJECTS OF ANTI-CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS AND DIRECTIONS OF INSTITUTIONAL DEVELOPMENT

Nimatulaeva Ravzanat Abdulzagirovna

Candidate of Law,
Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

Magomedsaidov Akhmed Bagaudtinovich

Master's Student,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation;
Independent Researcher

Abstract. The article attempts a comparative legal understanding of the subject structure of anti-corruption in the Russian Federation and in foreign legal systems with an emphasis on the institutional architecture, the distribution of competencies and coordination mechanisms. The study assumes that the effectiveness of an anti-corruption policy is determined not only by a set of substantive prohibitions and sanctions, but primarily by which entities are authorized to implement prevention, detection, suppression and control, as well as by how their powers, responsibilities and interaction are legally formalized. The study identifies doctrinal approaches to the classification of subjects of anti-corruption policy, clarifies the criteria for their differentiation. It is shown that the Russian model is characterized by multilevelism and a combination of strategic leadership with a functional distribution of tasks between regulatory, supervisory and law enforcement agencies, while the key problem remains the fragmentation of competencies and the dependence of effectiveness on administrative coordination. International experience demonstrates competing institutional solutions, from specialized independent anti-corruption bureaus to distributed systems with a strong role in

financial control and ethical public service infrastructure. The directions of development of the Russian subject structure are proposed: regulatory strengthening of coordination and responsibility for results, integration of control into risk-oriented contours (especially in the field of procurement and management of public resources), institutionalization of the participation of non-state actors while maintaining guarantees of rights and legitimate interests.

Key words: anti-corruption, subjects of anti-corruption policy, coordination, control and supervision, public procurement, comparative legal analysis, foreign experience, institutional autonomy.

References

1. Leletova M.V. Subjects of anti-corruption policy [Electronic resource] // CyberLeninka. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-antikorrupsionnoy-politiki> (date of access: 28.12.2025).
2. Borodina O.A. Subjects of ensuring the anti-corruption process in Russia [Electronic resource] // CyberLeninka. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-obespecheniya-protivodeystviya-korrupsii-v-rossii> (date of request: 28.12.2025).
3. Polyakov M.M. Managerial decisions of subjects of administrative and legal counteraction to corruption at the federal level [Electronic resource] // CyberLeninka. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskie-resheniya-subektov-administrati>.
4. Starostenko V.K. The Accounts Chamber of the Russian Federation as a subject of the anti-corruption system [Electronic resource] // CyberLeninka. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/schetnaya-palata-rossiyskoy-federatsii-kak-subekt-sistemy-protivodeystviya-korrupsii> (date of access: 28.12.2025).
5. Akhmedkhanova S.T. The main subjects of countering corruption-related crimes [Electronic resource] // CyberLeninka. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-subekty-protivodeystviya-prestupleniyam-korrupsionnoy-napravlenosti> (date of request: 28.12.2025).
6. Gunba A.A. Subjects of anti-corruption in the system of the state contract [Electronic resource] // CyberLeninka. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-protivodeystviya-korrupsii-v-sisteme-gosudarstvennogo-kontrakta> (date of request: 28.12.2025).
7. Kanunnikova N.G. Anti-corruption: comparative legal analysis of foreign legislation and law enforcement practice [Electronic resource] // CyberLeninka. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korrupsii-sravnitelno-pravovoy-analiz-zarubezhnogo-zakonodatelstva-i-pravoprimeritelnoy-praktiki> (date of request: 28.12.2025).
8. Sufyanova E.Z. Comparative legal analysis of the experience of combating corruption in the European Union and the Russian Federation [Electronic resource] // CyberLeninka. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-pravovoy-analiz-opyta-protivodeystviya-korrupsii-stran-evropeyskogo-soyuza-i-rossiyskoy-federatsii-1> (date of request: 28.12.2025).
9. Sevalnev V.V. Legislation in the field of anti-corruption: Russia and China. Comparative legal aspect [Electronic resource] // CyberLeninka. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-v-sfere-protivodeystviya-korrupsii-rossiya-i-kitay-sravnitelno-pravovoy-aspekt> (date of request: 28.12.2025).
10. Igembaev K.A. Foreign experience in the field of combating bribery on the example of Hong Kong, Singapore, South Korea [Electronic resource] // CyberLeninka. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-v-sfere-borby-so-vzyatochnichestvom-na-primere-gonkonga-singapura-yuzhnoy-korei> (date of request: 28.12.2025).
11. Mikhaleva I.A. Anti-corruption as a legal regime: comparative legal analysis of doctrine [Electronic resource] // CyberLeninka. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korrupsii-kak-pravovoy-rezhim-sravnitelno-pravovoy-analiz-doktriny> (date of request: 28.12.2025).
12. Tsvetkov A.V. Directions of comparative legal research of anti-corruption in the Russian Federation and the Republic of Belarus: fundamentals [Electronic resource] // CyberLeninka. 2024.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sravnitelno-pravovogo-issledovaniya-protivodeystviya-korrupsii-v-rossiyskoy-federatsii-i-respublike-belarus-osnovy> (date of request: 28.12.2025).

13. Kuptsova A.A. Foreign experience in combating corruption [Electronic resource] // CyberLeninka. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-protivodeystviya-korrupsii-3> (date of reference: 28.12.2025).

14. Zhivodrova N.A. Foreign experience in combating corruption [Electronic resource] // CyberLeninka. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-protivodeystviya-korrupsii-6> (date of request: 28.12.2025).

15. Bychkova S.V. Foreign experience in combating corruption in the civil service system and the possibility of its use in Russia [Electronic resource] // CyberLeninka. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-protivodeystviya-korrupsii-v-sisteme-gosudarstvennoy-sluzhby-i-vozmozhnosti-ego-ispolzovaniya-v-rossii> (date of request: 28.12.2025).